

А.А.Галкин

ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В общественном сознании политически ангажированной публики сейчас отчетливо просматривается ориентация на глубокий ремонт сложившихся общественных структур. Иногда его именуют инновационным развитием, иногда модернизацией. Но чаще всего оба этих понятия произносят на одном дыхании, как бы через запятую.

Дискуссии на тему инновационного развития / модернизации занимают видное место в публикациях, претендующих на серьезность. Соответствующие слова повторяются в последнее время так часто, что уже начинают вызывать отторжение. При всем том содержание предполагаемого ремонта раскрывается столь невнятно, что нередко возникает сомнение, можно ли вообще воспринимать его сколько-нибудь серьезно.

Между тем речь в действительности идет об очень важном деле. Уже на данном этапе в ходе обмена мнениями выявился ряд проблемных узлов, требующих всестороннего рассмотрения. На некоторых из них я и остановлюсь ниже.

Узел первый: По какому пути пойдет в дальнейшем Россия? Состоялся ли ее окончательный выбор? И если нет, то каким он будет?

Поиск ответов на эти вопросы выводит на следующие размышления.

Еще до кризиса были основания предполагать, что страна находится на развилке, открывающей равную возможность нескольких вариантов развития. Кризис не только обострил необходимость выбора, но и придал ему заземленную форму. Сегодня нам в первую очередь нужно определить, каким способом выйти из кризиса. От этого, судя по всему, в решающей степени будет зависеть облик России на многие годы.

Естественно, что наметившееся ныне противостояние вокруг этой темы вышло за рамки профессионального спора экономистов, приобретя политическую форму. Отсюда и заметное ожесточение схватки.

Реально обсуждаются три основных варианта.

Первый вариант — инерционный. В его основе лежит предположение, что постепенное ослабление кризиса за пределами России, вроде бы наблюдаемое уже сегодня, обеспечит оздоровление мировых рынков. Благодаря этому восстановится ценовая конъюнктура, позволявшая нам держаться в докризисные «нулевые» годы.

Из этого следуют конкретные выводы. Главное — не суетиться. Надо лишь своевременно разрешать локальные конфликты, не допуская чрезвычайных ситуаций, предотвращать, насколько возможно, социальную напряженность и, внося в политику минимально необходимые коррективы, ждать улучшения обстановки.

Каковы же реальные последствия такого подхода? Очевидно, что кризис, окончившись, оставит после себя груды развалин. Изъяны и перекосы, свойственные нашей экономике и обществу в целом, окажутся возведенными в степень.

Для подобного заключения есть немало оснований. Во время кризиса мы подверглись новой волне деиндустриализации, начавшейся еще в 1990-е годы и несколько ослабшей в первые «нулевые». В руинах — важнейшие отрасли машиностроения. Парализованы многие предприятия металлургии. Немногое осталось от легкой промышленности. Сырьевой уклон народного хозяйства, обусловивший зависимость российской экономики от зарубежных рынков и способствовавший углублению кризисных потрясений, не только сохранился, но и вырос.

Между тем внешнее окружение не топталось на месте. Ряд отставших в прошлом стран, несмотря на кризис, продолжал развиваться. Соответственно, изменилась расстановка сил в мире.

Кризис придал новые импульсы и обновлению наиболее развитых государств. Они выйдут из него обогащенными новыми технологиями и производством.

Следовательно, в случае реализации инерционного сценария просто вернуться в потерянный мир стране не удастся. Россия обречет себя на устойчивое пребывание в мировом арьергарде.

Второй вариант предполагает ставку на «догоняющее развитие». Его сторонники исходят из того, что кризис, обострив проблемы сбыта, создал благоприятные возможности для приобретения за приемлемую цену современного оборудования и технологий и если Россия воспользуется этим обстоятельством, то сможет приблизиться к лидерам мирового развития.

Главный аргумент в пользу данного подхода звучит примерно так. Степень нашей отсталости настолько велика, что тягаться с наиболее развитыми странами не имеет смысла. Поэтому нужно смириться и встать на путь, накатанный другими.

Рациональное зерно в этом аргументе есть. Технологическая база российской экономики требует обновления, и игнорировать это безответственно. Приобретение уже опробованного оборудования могло бы способствовать такому обновлению и тем самым стимулировать выход из кризиса. Но не следует закрывать глаза на ловушки подобного подхода. Ставка на воспроизведение чужих технологических решений ориентирует на прошедшее, отбрасывая производство к тем годам, когда они были найдены, что само по себе означает отставание. А тем временем научная и технико-внедренческая мысль продолжает поступательное движение. В результате отставание удваивается. Его усиливает и то,

что обладатели новейших технологий и технических ресурсов делятся ими крайне неохотно. То, что они предлагают на рынках, отражает, как правило, день вчерашний.

Ссылки на исторический опыт, к которым прибегают сторонники «догоняющего развития», убедительны лишь частично. Да, индустриализация, осуществленная в 1930-е годы в СССР, была произведена в значительной степени за счет технологических и технических заимствований! Да, Япония после второй мировой войны преодолевала отставание, используя лицензии на новое оборудование, закупленные в развитых индустриальных странах! Однако в истории есть немало и противоположных примеров. В той же самой Японии абсолютизация курса на внешние заимствования со временем привела к стагнации экономики, переросшей в кризис, который начался задолго до того, как поразил другие страны.

Поучителен и полузабытый эпизод из нашей собственной истории. После победы над фашистскими державами в 1945 г. руководство СССР решило ускорить восстановление разрушенного войной народного хозяйства посредством демонтажа немецких предприятий. Предполагалось, что оснащение отечественной промышленности вывезенным из Германии оборудованием существенно ускорит подъем экономики Советского Союза.

Опытные люди своевременно предостерегали нас от этого шага. Оборудование, установленное на немецких предприятиях, как и применявшаяся на этих предприятиях технология, датировались в лучшем случае концом 1920-х — началом 1930-х годов. Использовать их в конце 1940-х — начале 1950-х означало двадцатилетнее отставание. Предпочтительней было бы, отказавшись от демонтажа, разместить в Германии заказы на разработку и производство оборудования, отражавшего самые последние достижения науки и техники.

К этим предостережениям не прислушались. В результате мы потратили громадные средства на создание заведомо устаревших предприятий, что внесло немалый вклад в последующее отставание. Между тем немцы, освободившись от старого «железа» и используя новейшие разработки и квалифицированную рабочую силу, быстро восстановили демонтированные предприятия, но уже на новой основе.

Не очевидно ли, что к технологическим и техническим заимствованиям следует подходить избирательно? В некоторых ситуациях они могут быть полезными. Однако трактовать заимствования как стратегическую линию экономического развития крайне опасно.

Гораздо более обоснованной представляется позиция приверженцев *третьего варианта* — инновационного. Согласно их заключению, перед всеми более или менее развитыми странами сейчас со всей остротой встала проблема перехода к инновационному обществу. По своему значению такой переход может быть сравним с промышленной революцией XVIII—XIX вв. и научно-технической революцией второй половины XX в. Отсюда неизбежность качественных перемен не только в экономике, но во всем общественном организме.

О том, что инновационный скачок объективно назрел, свидетельствуют многие факторы.

Во-первых, вызревание целого ряда новых глобальных проблем, для разрешения которых требуются знания и умения значительно более высокого уровня, нежели те, которыми располагало общество прежде.

Во-вторых, жизненная необходимость коренной перестройки мирохозяйственных отношений и технологий управления ими, убедительно продемонстрированная мировым экономическим кризисом.

В-третьих, появление и быстрый рост новых центров современно-го индустриального развития, обладающих бесспорным конкурентным преимуществом в виде дешевой рабочей силы, в том числе квалифицированной. В этих условиях традиционные страны-лидеры могут сохранить свои позиции, лишь подняв производство на уровень, недостижимый, во всяком случае пока, для наступающих им на пятки «экономических тигров». Дополнительным стимулом к такому рывку служит заинтересованность передовых стран в многократном повышении производительности труда автохтонной рабочей силы ввиду старения населения и наплыва мигрантов из регионов с иной культурой и ментальностью.

Для реализации инновационного скачка имеются и необходимые предпосылки. Это и накопленные человечеством новые знания, еще не нашедшие применения в производстве; и наличие мощной научно-производственной инфраструктуры, способной обеспечить незамедлительное практическое воплощение научных идей и выводов; и разветвленная система профессионального образования, достаточно гибкая для того, чтобы в кратчайшие сроки подготовить высококвалифицированную рабочую силу того типа, который нужен для осуществления соответствующего экономического маневра; и, наконец, еще не утраченная государственной властью возможность мобилизовать капиталы, необходимые для перехода к инновационному развитию.

Иными словами, инновационное развитие стало сейчас и реальной возможностью, и своего рода «категорическим императивом» для стран, ориентированных на сохранение и упрочение своих позиций. Обвинения сторонников этого варианта в отрыве от реальности, в фантазерстве, вспышкостельстве и авантюризме, то и дело звучащие в ходе нынешних дискуссий, обусловлены, как правило, не научными, а иными, нередко корыстными мотивами.

Узел второй: Каково конкретное содержание понятия «инновационное развитие»?

Те, кто искренне стремится к инновационному развитию, обычно понимают под ним процесс формирования специфической инновационной экономики, развертывающийся по трем взаимозависимым направлениям: (1) создание технологических, экономических, социальных и политических предпосылок для последующего инновационного рывка; (2) кардинальная модернизация уже существующего мате-

¹ К их числу относятся в первую очередь сферы, связанные с перестройкой сложившихся форм взаимодействия человека и окружающей среды, синтезированием композитных и иных искусственных материалов, способных заменить традиционные металлы, поиском возобновляемых источников энергии, принципиальным совершенствованием и системным использованием во всех сферах жизни (в том числе в управлении) микроэлектроники и информационных технологий, качественным изменением биологических условий существования и деятельности индивидов и др.

риального производства; (3) создание принципиально новых, инновационных сфер деятельности¹.

Подобное толкование инновационного развития вполне обоснованно. Однако в этом случае предпочтительнее не использовать для его обозначения термин «модернизация». И дело тут не в семантике. Понятие «модернизация» крайне неопределенно. Под него можно подвести все что угодно. Нередко модернизацией называют умеренные преобразования в рамках «догоняющего развития» или даже практическое воплощение обычных рационализаторских идей.

Не следует также забывать о психологическом факторе. Идея модернизации, весьма популярная в 1960—1970-е годы, была в свое время скомпрометирована политикой бывших колониальных держав, трактовавших ее как «вестернизацию» (то есть навязывание освободившимся странам привычных для бывших метрополий ценностей, порядков и институтов). Это вызвало массовое отторжение предлагаемых новаций, в том числе позитивных, и предопределило провал соответствующих усилий.

Существует реальная опасность, что в условиях политического противостояния понятие модернизации может быть использовано для «удушения в объятьях» ориентации на инновационное развитие. Между тем у модернизации есть свое, и немаловажное, место. Модернизация необходима там, где еще нет инновационных заделов или они не достигли уровня, при котором возможно их массовое применение.

Узел третий: С какими трудностями столкнется наше общество, взяв курс на инновационное развитие?

Поворот к инновационному развитию будет нелегко. Перечислю лишь наиболее важные из встающих на этом пути проблем.

1. Инновационное развитие неизбежно потребует более интенсивного включения российской экономики в мировую экономическую систему. Не вызывает сомнений, что сопряженное с этим полное открытие внутреннего рынка сделает Россию в еще большей степени уязвимой перед лицом кризисных процессов, происходящих во внешнем мире.

2. Инновационное развитие неразрывно связано с интеллектуальным потенциалом. Связь эта двусторонняя. Высокий интеллектуальный потенциал представляет собой обязательную предпосылку успешного инновационного развития. Со своей стороны, инновационное развитие стимулирует дальнейшее повышение такого потенциала.

Как обстоит с этим дело в нынешней России?

Можно по-разному относиться к советскому прошлому. Но вряд ли кто-либо решится отрицать, что ко второй половине прошлого века население СССР обладало весомым интеллектуальным потенциалом. При всех своих изъянах он выдерживал сравнение с тем, который сложился в наиболее развитых странах мира. Популярное в те годы определение СССР как «читающей страны» не было примитивным бахвальством. Читали тогда очень много. И не случайно после полета Гагарина

в космос в руководящих кругах Соединенных Штатов — страны с высокообразованной образовательной системой — заговорили о необходимости присмотреться к сделанному в этом отношении в СССР. Дескать, откуда столь существенные интеллектуальные результаты?

Сумели ли мы сохранить и приумножить унаследованное богатство? Было бы несправедливо отрицать значимость интеллектуальных усилий истекших двух десятилетий. И все же искренний ответ на поставленный вопрос не может не быть негативным. Правда, страна пока еще не опустилась ниже черты, отделяющей развитое общество от неразвитого. Однако ее интеллектуальный потенциал снижается. Еще немного — и черта будет перейдена. Признаки этого налицо. И игнорировать их — вредить себе.

Начну с ситуации в сфере образования. Советский Союз второй половины XX в. слыл страной сплошной грамотности. В чем-то это было преувеличением. Островки неграмотности сохранялись. И все же в основном данная оценка отвечала действительности. Ныне же статистика фиксирует неграмотность среди молодых поколений. И что самое печальное — доля полностью неграмотных проявляет тенденцию к росту.

Прежнее школьное образование справедливо критиковали (и критикуют) за ряд изъянов. Тем не менее оно формировало неплохие интеллектуальные задатки, которые при желании и умственной работе могли превратиться в индивидуальное интеллектуальное богатство. Широкое распространение получило среднее образование. Да, по продолжительности обучения мы продолжали отставать от Японии или Соединенных Штатов, где она достигала 12 и более лет. Вместе с тем десятилетнее общее или профессиональное образование, до Великой Отечественной войны представлявшее собой редкое исключение, после нее стало скорее нормой.

Теперь же доля молодых людей, получающих среднее образование, не так велика, как прежде (при резком увеличении числа обладателей липовых свидетельств о нем). Но главное даже не в этом. Уровень знаний нынешних выпускников не выдерживает критики — даже самой мягкой. Сейчас он нередко сопоставим с тем, который раньше давала начальная школа. Преподаватели высших учебных заведений, имеющие дело с массой абитуриентов, пребывают в перманентном шоке. Нередко им приходится обучать вновь принятых студентов азам грамотности и счета, приучать их к элементарному чтению хотя бы профессионально необходимой литературы.

Едва ли кому-нибудь придет в голову сравнивать подготовку, которую обеспечивали в свое время советские вузы, с образованием, полученным в университетах Гарварда, Оксфорда или Гейдельберга. Но выпускники высших учебных заведений Москвы, Ленинграда или Новосибирска все же могли без особого труда состязаться с обладателями зарубежных дипломов. Сейчас утверждать этого нельзя — по крайней мере по отношению к большинству факультетов и кафедр. Более того. Сложилась невозможная прежде разветвленная сеть коммерче-

ских псевдовузов и псевдоуниверситетов, подменяющих процесс обучения процедурой взимания платы и выдающих дипломы, за которыми стоит не сумма полученных знаний, а сумма выплаченных денег.

Общепризнано, что интеллектуальный уровень зависит не только от объема и качества образования, но и от степени причастности общества и индивидов к достижениям мировой культуры. С этим в последнее время тоже не все благополучно.

Непомерно высокие цены на книги, включая художественную литературу, делают их малодоступными для значительной части молодежи. Дороговизна отпугивает массовые категории читателей от периодики, прежде всего серьезной. Отсюда — катастрофическое положение, в котором оказались даже самые солидные литературные журналы. Выходившие некогда миллионными тиражами, они имеют сейчас в лучшем случае несколько тысяч подписчиков. Аналогичная судьба постигла и другие, в том числе научные и публицистические, периодические издания.

Разумеется, распространение интернета, дисков, мобильных телефонов и т.п. частично компенсирует падение потребления печатной продукции. Но с точки зрения интеллектуального воздействия такая компенсация, мягко говоря, не совсем полноценна.

Незавидная ситуация складывается в музейном деле. И если музеи мирового класса вроде Пушкинского в Москве или Эрмитажа в Питере еще сохраняют свои позиции, то сотни менее известных и не столь крупных пребывают в нищете. Некоторые из них, причем, несомненно, полезные, находятся на грани ликвидации, поскольку занимаемые ими помещения приглянулись иным, более влиятельным структурам.

Когда-то посещение театров было вполне доступно публике с низким достатком. Их галерки заполняла студенческая молодежь, заинтересованная и чуткая, от реакции которой зависел успех любой постановки. Все это, однако, в прошлом. Приобрести билеты в сколь-нибудь популярный театр позволить себе сейчас может лишь человек, обладающий доходом выше среднего. Серьезный удар по бюджету не очень состоятельного человека наносит даже визит в кинотеатр.

Не способствует поддержанию интеллектуального уровня и содержание того, что выступает сегодня под брендом культуры. Ее образовательно-социальная составляющая повсеместно сошла на нет, уступив место развлекательству самого низкого пошиба. И речь идет не только о телевидении. Телевизионные программы, безусловно, заслуживают критики, и самой жесткой. Но не следует забывать, что они — лишь зеркало, более или менее адекватно отражающее нынешнюю поп-культуру, сменившую в России культуру с большой буквы.

В 1990-е годы ряды литераторов пополнила армия графоманов, не владевших даже основами родной речи. Их усилиями на читающую публику обрушилась волна так называемой «чернухи». В последнее время ситуация вроде бы стала меняться. Но и в нынешней литературе интеллектуальности, прямо говоря, до неприличия мало. Примерно столько же ее в большинстве театральных постановок и кинофильмов.

Впрочем, большинство тех, кто сейчас посещает публичные зрелища, это не пугает. Их интересует не столько то, что происходит на сцене, сколько возможность продемонстрировать окружающим свои украшения и туалеты.

Разумеется, настоящая культура полностью не исчезла. Но она оказалась задвинутой на задворки, и доступ к ней для большинства затруднен.

Серьезным кровопусканием общественному интеллекту обернулась массовая эмиграция, развернувшаяся в 1990-е годы и продолжавшаяся в первые «нулевые». Судя по статистике, за это время РФ покинул не один миллион человек, причем значительную часть уехавших составляют молодые, энергичные и, что очень важно, хорошо образованные люди. То, что получили в результате страны, где они обосновались, потеряла Россия.

В целом нарисованная выше картина не очень ободряет. Требуются срочные меры, чтобы вернуть интеллектуальный потенциал на уровень, необходимый для инновационного развития.

3. Тормозом на пути такого развития может оказаться ситуация, сложившаяся в нашей науке. Не секрет, что униженное состояние, в котором она пребывала в последние годы, серьезно ее подорвало. Можно ли винить в этом саму науку? Ответ на этот вопрос не вызывает сомнений. При том обращении, которое выпало на ее долю, было бы наивным ожидать иного результата.

Для тех, кто подзабыл, напомним. Массовая кампания в СМИ, направленная против научных учреждений и научных работников. Варварское сокращение ассигнований на научные исследования. Непрекращавшиеся на протяжении ряда лет угрозы разогнать оплот отечественной науки — Российскую академию наук. Разорение системы прикладных институтов, занимавшихся внедрением фундаментальных научных исследований в производство. Закрытие ряда научных учреждений, в том числе весьма перспективных. Подчинение основных научно-исследовательских центров и объединений чиновничьему аппарату Министерства образования, принявшемуся усиленно насаждать в науке привычные для него бумажно-бюрократические порядки.

Непосредственным следствием подобной стратегии стали массовые увольнения работников научной сферы, вне зависимости от пользы, которую они приносили. Реальная заработная плата сохранивших работу ученых и вспомогательного персонала была низведена до уровня, более низкого, чем у неквалифицированных рабочих, да и та выплачивалась с громадными задержками. Перестало обновляться необходимое для исследований оборудование, научные учреждения испытывали прогрессирующий дефицит расходных материалов, лишались производственной базы и даже тех помещений, в которых располагались.

Потеряв веру в научные перспективы на родине, наиболее активные и мобильные ученые стали уезжать за границу. Сначала их были десятки, затем сотни, потом тысячи. Точных данных о числе «научных

эмигрантов» не существует. Называются разные цифры. Но то, что речь идет о многих прекрасно подготовленных, перспективных и, как правило, молодых исследователях, сомнений не вызывает. Не случайно их весьма охотно принимали и принимают самые влиятельные зарубежные исследовательские структуры. В результате наша наука потеряла как минимум два поколения столь необходимого ей научного пополнения. Оказались разрушенными не только отдельные научные школы мирового класса, но и целые научные направления.

Униженное состояние науки неизбежно повлияло и на ее восприятие в обществе. Отношение молодежи к научной работе и тем, кто ею занимается, некогда весьма позитивное, решительно изменилось к худшему. Как показывают социологические опросы, научная карьера привлекает сейчас очень немногих. Ученая степень — даже в тех случаях, когда к ней стремятся, — рассматривается как статусный признак, облегчающий движение вверх в любой области, кроме собственно науки. Отсюда возникшее в последнее время парадоксальное явление: бурный рост числа научных защит и, соответственно, «остепененных лиц», с одной стороны, и острая нехватка молодой смены и прогрессирующее старение кадрового состава крупнейших академических институтов — с другой.

4. Немало сомнений вызывает готовность властвующей элиты принять к осуществлению ориентацию на инновационное развитие.

Корни ее нынешней позиции во многом уходят в специфику первоначального формирования. За истекшие два десятилетия оно прошло несколько этапов. На первом этапе, пришедшемся на 1990-е годы, эта элита пополнялась из трех основных источников. Доминирующую роль в ней играли так называемые «хозяйственники» — руководители промышленных министерств и ведомств, ведущие работники административно-управленческих структур и часть партийной номенклатуры, наиболее тесно связанная с технократическо-хозяйственной деятельностью². Вторым источником пополнения были деятели теневой экономики советской эпохи, а также кооператоры и скоробогачи времен перестройки. Заметное место в их рядах занимали выходцы из криминальных кругов, в том числе с тюремным прошлым. Третьим — интеллектуальная контрэлита, вынесенная на поверхность политической жизни на волне противостояния прежней системе.

На втором этапе, совпавшем с началом «нулевых» годов, в рядах властвующей элиты произошли существенные подвижки. Возрастные причины и непрекращающаяся жесткая конкуренция сократили в ней долю представителей прежней партийно-хозяйственной номенклатуры. И хотя их удельный вес все еще оставался значительным, главными источниками нового пополнения стали, с одной стороны, вытесненные из силовых структур начальствующие и командные кадры, а с другой — выходцы из выросшего и окрепшего бизнеса.

В последние годы наметилась новая тенденция, связанная с возрастающим притоком во властвующую элиту образованного поколения,

² Другая часть партийной номенклатуры (за исключением выбывших по возрасту) ушла в частный бизнес.

имеющего реалистические представления о проблемах, с которыми сталкиваются страна и общество. Однако такого рода сдвиг пока не привел к общим качественным переменам.

Отсутствие должного контроля над верхами со стороны общества способствовало широкому распространению клановости, основанной на родственных, земляческих и иных неделовых связях. Приверженность закону оказалась повсеместно подменена верностью главе клана или олигархической группировки. Одним из очевидных следствий указанного процесса явилось высокомерно-презрительное отношение к народу как к безликой, инертной массе, неспособной выступать в качестве источника и субъекта политического процесса. Образ жизни и структура потребления многих представителей властвующей элиты отчетливо демонстрируют, что они воспринимают себя скорее как небожителей, возвышающихся над обществом и призванных «володеть и править», нежели как чиновников, наделенных определенными функциями и несущих ответственность перед гражданами за их выполнение.

Основное ядро российской властвующей элиты сейчас заинтересовано прежде всего в сохранении и упрочении имущественных и властных позиций, приобретенных в 1990-е и последующие годы. Это находит отражение в его устойчивой ориентации на стабильность, трактуемую исключительно как неизменность сложившихся отношений власти и собственности. Соответственно, любые перемены, пусть даже сулящие позитивные результаты, как правило, встречаются им в штыки.

5. Серьезным препятствием на пути инновационного развития могут стать бюрократические структуры. Вообще-то «бюрократия» — это всего лишь иное, отчужденное наименование кадрового состава государственных управленческих структур. Тех самых, которые призваны, если рассматривать проблему теоретически, реализовывать на практике импульсы, поступающие сверху и отражающие общие интересы. Другой вопрос, действительно ли эти импульсы исходят из общих интересов и в какой мере управленческие структуры способны и готовы выполнять свои функции.

Первоначально роль государства была ограниченной. Не очень значительными были и функции, которые надлежало осуществлять «управленцам». Их сравнительно небольшая численность исключала возможность превращения в сплоченную социальную группу, отстаивающую свои специфические, корпоративные интересы.

Затем ситуация начала меняться. Функции государства непрерывно расширялись, что, естественно, сказывалось и на численности управленческих органов. Их разрастание сопровождалось постоянным усложнением внутренней структуры. Соответственно, размывался государственный контроль над тем, как они решают поставленные перед ними задачи. Более того. Существенно умножившаяся совокупность «управленцев» стала воспринимать себя не только как служебную, вспомогательную, но и как самостоятельную социальную силу. В ее среде возникли и утвердились претензии на доминирующее место в

системе государственного и общественного развития. Постепенно верхушка «управленцев», превратившаяся в бюрократию в общепринятом смысле слова, забыла о том, что, подобно тени из знаменитой комедии Шварца, она лишь отражение реальных отношений, сложившихся в обществе, и повела себя как его хозяин.

Беда эта не только наша. Но мы ощущаем ее наиболее остро. Дело в том, в силу ряда исторических обстоятельств государство в России издавна играло значительно бóльшую роль, чем во многих других странах. В особой степени это проявилось в XX в. В какой мере такое положение вещей было неизбежно — вопрос спорный. Бесспорно, однако, то, что управленческий слой, созданный всевластным государством, у нас оказался необычайно многочисленным и влиятельным. И это отразилось не только на структуре общественного организма, но и на народном менталитете. Не случайно многие люди, в том числе и немало пострадавшие от бюрократизма, заняв даже самое скромное место в иерархии управленцев, начинают вести себя как закоренелые бюрократы. Кроме того, в отличие от ряда развитых стран, накопивших за прошедшие годы изрядный опыт если не в искоренении, то в усмирении бюрократизма, у нас такого опыта не хватает.

Ход событий последнего времени убедительно демонстрирует, что вопреки заклинаниям радикал-либералов роль государства в общественном развитии сокращаться не будет. Напротив, налицо признаки ее роста. И это неудивительно. Система общественных организаций, составляющих мировое сообщество, усложняется. Сложнее становятся и сами эти организмы. Но чем сложнее система, тем выше ее потребность в управленческих импульсах, исходящих из единого центра.

Очевидно, что инвестиции в инновационное развитие, как правило, являются очень рискованными. Поэтому рассчитывать на проявление к ним особого интереса со стороны частного капитала не приходится. Следует также учитывать, что массовое промышленное производство, характерное для нынешнего этапа экономического развития, инерционно по своей сути. Для его коренной переналадки понадобятся немалые усилия и материальные затраты. Поэтому любые новации, сопряженные с такой переналадкой, с высокой степенью вероятности вызовут ожесточенное сопротивление влиятельных экономических сил. Отсюда необходимость создания на государственном уровне рычагов и стимулов, способных преодолеть указанную инерционность, не подвергая излишним потрясениям производство и общественную систему в целом.

Между тем существующая у нас управленческая система коррумпирована и не мотивирована на положительные изменения, не говоря уже о каком-то динамическом развитии. И дело тут не только в кадровых просчетах, но прежде всего в закономерностях самой иерархизированной жесткой вертикали власти.

6. Огромную опасность для инновационного развития представляет неоконсервативная модель организации и функционирования народного хозяйства, утвердившаяся в мире в последней трети XX в.

На протяжении нескольких десятилетий эта модель, несмотря на присущие ей изъяны, приносила более или менее позитивные результаты. Однако с наступлением нового столетия она начала давать очевидные сбои.

Основные причины этого лежат на поверхности. Прогрессирующая глобализация и ускорившийся технологический прогресс привели к заметному усложнению структуры мирового хозяйства и всей мировой системы, что, в свою очередь, усилило потребность в поступающих извне упорядочивающих импульсах, ибо, как уже говорилось, чем сложнее система, тем труднее ее самонастройка. Между тем неоконсервативная модель всегда покоилась (и покоится) на принципиальном отрицании подобного рода импульсов как негативно влияющих на естественные экономические процессы.

Такое несоответствие теоретических постулатов объективно складывающимся потребностям не могло не иметь серьезных последствий. Они дали о себе знать еще до того, как необходимость безотлагательного перехода к инновационному развитию стала предельно очевидной.

Важным (но не единственным) симптомом истощенности неоконсервативной модели стали масштаб и длительность нынешнего мирового кризиса. Не вызывает сомнений, что при повороте к инновационному развитию негативное воздействие этой модели будет проявляться с возрастающей силой.

В принципе все перечисленные выше препятствия поддаются преодолению. Однако для этого нужно, чтобы в процесс органически был включен политический фактор.

Узел четвертый: Что можно и необходимо сделать, чтобы инновационное развитие приобрело осязаемые формы?

Очевидно, что поворот к инновационному развитию невозможен без серьезных целенаправленных усилий. Он требует иной расстановки стратегических приоритетов, нежели та, что вырисовывалась из ряда прежних заявлений. Нужны не кавалерийские атаки, а хорошо подготовленная осада укреплений. Готово ли к этому руководство? — вопрос, который еще ждет ответа.

Такая осада предполагает глубокие качественные преобразования, а значит, рассчитывать на то, что она будет вестись стихийно, как ответ на призывы «сверху», мягко говоря, наивно. Необходимо прежде всего четко определить основы инновационной стратегии. Одной Комиссии по модернизации, сколоченной на скорую руку, для этого мало. Эту работу должны направлять наделенные властными полномочиями государственные органы, а осуществлять специалисты. Было бы полезно в большей степени привлечь к ней научные учреждения и общественные организации.

Задачей разработчиков инновационной политики должно стать, с одной стороны, выделение ключевых инновационных направлений, а с другой — составление реестра конкретных действий, необходимых

для осуществления правовых, административных и экономических преобразований. Крайне важно, чтобы на решающем этапе к этой работе подключились влиятельные люди, не по должности, а по своим ценностным установкам ориентированные на качественные инновационные сдвиги.

Некоторые из первоочередных проблем, требующих незамедлительного решения, очевидны уже сегодня.

Следует убрать правовые барьеры, мешающие инновационному развитию или делающие его невыгодным и чересчур рискованным. Одновременно должна быть принята серия законов, стимулирующих инновационную активность в любой ее ипостаси — научной, инженерной или деловой.

Поскольку инновационное развитие и сопутствующая ему модернизация зависят от интеллектуального потенциала как обязательного условия создания и «умной экономики», и «умных» общественных структур, предстоит всерьез заняться и данной проблемой.

Что же можно (и необходимо) сделать в этой сфере?

Во-первых, осуществить комплекс мер, нацеленных на возрождение в стране уважительного отношения к интеллекту, знаниям, образованию. Люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, должны быть чтимы не в меньшей степени, чем, например, работники государственной службы или успешные бизнесмены.

Во-вторых, незамедлительно разработать многолетнюю государственную программу поддержки и развития интеллектуального потенциала, решить вопросы ее финансового обеспечения с упором на уже выявившиеся потребности. Быть может, в связи с этим имеет смысл внимательней присмотреться к предложению президента Франции Н.Саркози о выпуске специального займа, средства от которого пойдут исключительно на образование и иные интеллектуальные нужды.

В-третьих, навести хотя бы минимальный порядок в сфере начального и среднего образования. Безотлагательно созвать Всероссийский съезд учителей, на котором обсудить наиболее острые вопросы работы школы. Отменить недостаточно продуманные и неприемлемые для педагогических коллективов реформы, навязанные сверху.

В-четвертых, довести до конца процесс реорганизации высшего образования, прежде всего ликвидировав коммерческие псевдоуниверситеты и лжевузы. Прекратить принудительную подгонку высших учебных заведений под каноны устаревшей болонской системы и представить на рассмотрение профессуре предложения по новой современной системе высшего образования.

В-пятых, не вмешиваясь во внутреннее развитие различных сфер культуры, осуществлять финансовую поддержку в первую очередь тех ее направлений, которые несут в себе мощный образовательный и интеллектуальный заряд.

Разумеется, придумать можно еще немало. Но важнее всего приступить наконец к делу.

Переход к инновационному развитию сделает неизбежным принципиальное изменение отношений между наукой и государством. Давно пора отказаться от пренебрежительного взгляда на науку как на обузу. Наука должна не только превратиться в прямую производительную силу, но и стать важнейшим рычагом стратегии государства в области общественного производства. В какой-то степени она будет продолжать свою деятельность в качестве исполнителя заказов, отражающих групповые интересы. Однако ее основным партнером и, соответственно, заказчиком должно быть государство.

При этом взаимодействие государственных органов и науки не может строиться в парадигме «хозяин — слуга». Речь должна идти о равноправном сотрудничестве, при котором не только государство ставит задачи перед наукой, но и наука ставит их перед государством. Это, в свою очередь, потребует не только организационных усилий и дополнительных капиталовложений, но и психологической перестройки сознания тех, кто заправляет во властных структурах.

Как уже говорилось, значительная часть властвующей элиты настороженно относится к курсу на инновационное развитие, не без оснований опасаясь, что оно приведет к подрыву экономических и политических позиций, завоеванных ею в прошлом. Подобное отношение характерно как для федерального, так и для региональных сегментов элиты. Следует, видимо, продумать и реализовать меры, которые бы не только ослабили эту настороженность, но и привлекли большую часть элиты на сторону инновационных и модернизационных усилий.

Аналогичные меры должны быть осуществлены и по отношению к бюрократии, которой предстоит воплощать в жизнь инновационные импульсы, проступающие сверху, превращая их в конкретные дела. Необходимо создать действенную систему общественного контроля над выполнением ею своих функций. В административные органы, которым будет поручено стимулирование инновационного развития, должны направляться люди, безоговорочно поддерживающие соответствующий курс. В противном случае саботаж инновационных усилий окажется неизбежным.

Особых усилий потребует общее повышение эффективности рычагов административного управления, равно как и системы обратной связи. Ее блокировка, как показывает и исторический, и сравнительно недавний опыт, лишает руководство правдивой информации о происходящих в обществе процессах. В результате власть утрачивает способность адекватно оценивать ситуацию и, отталкиваясь от нее, вносить коррективы в стратегическую линию и конкретные решения.

Полное преобразование сложившейся системы управления — дело довольно долгое. Надежды на одномоментную ее перестройку — из области романтических фантазий. Поэтому для решения конкретных задач инновационного развития, возможно, имело бы смысл создать, в порядке эксперимента, управленческие рычаги, структурированные и организованные по-иному.

Крайне опасно игнорировать то обстоятельство, что инновационная деятельность, как отмечалось выше, чревата для бизнеса повышенным риском. Интерес к поискам на инновационном поле появится у него лишь на заключительных этапах — тогда, когда они завершатся созданием принципиально новой продукции, способной породить коммерческий спрос. На первых порах принимать в них участие будут лишь инициативные бизнес-группы, занимающие маргинальные ниши.

Соответственно, на начальных стадиях инновационного развития главная роль в его стимулировании и организации поисковой деятельности выпадет на долю государства. Не случайно в тех странах, где инновационное развитие уже стало или становится важным направлением политики, выработкой его принципов (в том числе описанием конкретных целей и этапов продвижения к ним, определением состава участников различных проектов и субпроектов, а также объема и форм их финансирования) и координацией действий занимаются институты, контролируемые государством или связанные с ним договорными отношениями.

* * *

Очевидно, что все подобного рода усилия могут принести плоды лишь в том случае, если найдут серьезную поддержку в обществе. Правомерно ли в нынешней ситуации рассчитывать на нее? Удастся ли властным структурам убедить граждан в реальности построения в сравнительно небольшие сроки если не идеального, то, по меньшей мере, благополучного общества, которое на это раз предлагается именовать «инновационным», и поднять их на активное участие в его созидании? Разумеется, полностью отрицать возможность такого развития событий нельзя. Однако и переоценивать ее тоже не стоит.

Налицо высокая степень неопределенности. Общество явно устало от проводимых над ним экспериментов. В нем сложилось стойкое представление, что инициативы, идущие сверху, приносят в лучшем случае «неустройства». Отсюда повсеместно сдержанное отношение к инновационным проектам.

Чтобы добиться их общественной поддержки, власть должна представить гражданам убедительное свидетельство своей готовности, решительно порвав с проводимым ранее курсом, качественно изменить вектор движения. Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как свидетельство искренней заботы о его благе.